

Чѣмъ русскій православный кулакъ, міроѣдъ, цѣловальникъ, кровопійца, которыхъ такъ много расплодилось во **всей** Россіи, лучше таковыхъ изъ жидовъ, которые дѣйствуютъ все-таки въ ограниченномъ кругу? Чѣмъ такой-то лучше такого-то?..

(Здѣсь почтенный корреспондентъ сопоставляетъ нѣсколько извѣстныхъ русскихъ кулаковъ съ еврейскими въ томъ смыслѣ, что русскіе не уступаютъ. Но что же это доказываетъ? Вѣдь мы нашими кулаками не хвалимся, не выставляемъ ихъ какъ примѣры подражанія, напротивъ, въ высшей степени соглашаемся, что и тѣ, и другіе не хороши).

Такихъ вопросовъ я могъ бы вамъ задавать тысячами. Между тѣмъ, вы, говоря о “жидѣ”, включаете въ это понятіе всю страшно-нищую массу трехмилліоннаго еврейскаго населенія въ Россіи, изъ которыхъ 2.900.000, по крайней мѣрѣ, ведетъ отчаянную борьбу за жалкое существованіе, нравственно чище не только другихъ народностей, но и обоготворяемаго вами русскаго народа. Въ это названіе вы включаете и ту почтенную цифру евреевъ, получившихъ высшее образованіе, отличающихся на всѣхъ поприщахъ государственной жизни, берите хоть...

...Гольдштейна (геройски умершаго въ Сербіи за славянскую идею) и работающихъ на пользу общества и человѣчества? Ваша ненависть къ “жиду” простирается даже на Дизраэли, который, вѣроятно, самъ не знаетъ, что его предки были когда-то испанскими евреями, и который ужъ, конечно, не руководитъ англійской консервативной политикой съ точки зрѣнія “жида” (?)

(Тутъ опять-таки нѣсколько именъ, которыхъ я, кромѣ Гольдштейнова, считаю не въ правѣ напечатать, потому что нѣкоторымъ изъ нихъ, можетъ быть, непріятно будетъ прочесть, что они происходятъ изъ евреевъ).

Нѣтъ, къ сожалѣнію, вы не знаете ни еврейскаго народа, ни его жизни, ни его духа, ни его сорокавѣковой исторіи, наконецъ. Къ сожалѣнію, потому, что вы, во всякомъ случаѣ, человѣкъ искренній, абсолютно честный, а наносите безсознательно вредъ громадной массѣ нищенствующаго народа, — сильные же “жиды”, принимая сильныхъ міра сего въ своихъ салонахъ, конечно не боятся ни печати, ни даже безсильнаго гнѣва эксплуатируемыхъ. Но довольно объ этомъ предметѣ! Врядъ ли я васъ убѣжду въ моемъ взглядѣ, — но мнѣ крайне желательно было бы, чтобы вы убѣдили меня.

Вотъ этотъ отрывокъ. Прежде чѣмъ отвѣчу что-нибудь (ибо не хочу нести на себѣ такое тяжелое обвиненіе) — обращаю вниманіе на ярость нападенія и на степень обидчивости. Положительно у меня во весь годъ изданія “Дневника” не было такихъ размѣровъ статьи противъ “жида”, которая бы могла вызвать такой силы

нападеніе. Во-вторыхъ, нельзя не замѣтить, что почтенный корреспондентъ, коснувшись въ этихъ немногихъ строкахъ своихъ и до русскаго народа, не утерпѣлъ и не выдержалъ, и отнесся къ бѣдному русскому народу нѣсколько слишкомъ ужъ свысока. Правда, въ Россіи и отъ русскихъ-то не осталось ни одного непрощеннаго мѣста (словечко Щедрина), а еврею тѣмъ простительнѣе. Но во всякомъ случаѣ ожесточеніе это свидѣтельствуетъ ярко о томъ, какъ сами евреи смотрятъ на русскихъ. Писалъ это, дѣйствительно, человѣкъ образованный и талантливый (не думаю только, чтобъ безъ предразсудковъ), чего же ждать, послѣ того, отъ необразованнаго еврея, которыхъ такъ много, какихъ чувствъ къ русскому? Я не въ обвиненіе это говорю, все это очевидно: *я только хочу указать, что въ мотивахъ нашего разъединенія съ евреями виноватъ, можетъ быть, и не одинъ русскій народъ, и что скопились эти мотивы, конечно, съ обѣихъ сторонъ, и еще неизвестно, на какой сторонѣ въ большей степени.* Отмѣтивъ это, выскажу нѣсколько словъ и въ мое оправданіе и вообще, какъ я смотрю на это дѣло. И хоть вопросъ этотъ, повторяю, мнѣ и не по силамъ, но что же нибудь вѣдь и я могу выразить.

ПРО И КОНТРА

Положимъ, очень трудно узнать сорокавѣковую исторію такого народа, какъ еврей; но на первый случай я ужъ то одно знаю, что навѣрно *нѣтъ въ цѣломъ мѣръ другого народа, который бы столько жаловался на судьбу свою, поминутно, за каждымъ шагомъ и словомъ своимъ, на свое приниженіе, на свое страданіе, на свое мученичество.* Подумаешь, не они царятъ въ Европѣ, не они управляютъ тамъ биржами хотя бы только, а, стало быть, политикой, внутренними дѣлами, нравственностью государствъ. Пусть благородный Гольдштейнъ умираетъ за славянскую идею. Но все-таки, *не будь такъ сильна еврейская идея въ мѣрѣ, и, можетъ быть, тотъ же самый “славянскій” (прошлогодній) вопросъ давно бы ужъ рѣшенъ былъ въ пользу славянъ, а не турокъ.* Я готовъ повѣрить, что лордъ Биконсфилдъ самъ, можетъ быть, забылъ о своемъ происхожденіи когда-то отъ испанскихъ жидовъ (навѣрно, однако, не забылъ; но что онъ “руководилъ англійской консервативной политикой” за послѣдній годъ отчасти съ точки зрѣнія жиды, въ этомъ, по-моему, нельзя сомнѣваться. “Отчасти-то” ужъ нельзя не допустить. Но пусть все это, съ моей стороны, голословіе, легкій

тонъ и легкія слова. Уступаю. Но всетаки не могу выполнѣ повѣрить крикамъ евреевъ, что ужъ такъ они забиты, замучены и принижены. На мой взглядъ, русскій мужикъ, да и вообще русскій простолюдинъ, несетъ тягости чуть ли не больше еврея. Мой корреспондентъ пишетъ мнѣ въ другомъ уже письмѣ:

Но подумайте и вы, г. корреспондентъ, который сами пишете мнѣ, въ томъ же письмѣ, на другой страницѣ, что вы “не въ примѣръ больше любите и жалѣете трудящуюся массу русскаго народа, чѣмъ еврейскую” — (что ужъ слишкомъ для еврея сильно сказано) — подумайте только о томъ, кто *когда* еврей “терпѣлъ въ свободномъ выборѣ мѣстожителѣства”, *тогда* двадцать три милліона “русской трудящейся массы” *терпѣли* отъ крепостного состоянія, что ужъ, конечно, было потяжелѣе “выбора мѣстожителѣства”. И что же, пожалѣли ихъ тогда евреи? Не думаю: въ Западной окраинѣ Россіи и на Югѣ вамъ на это отвѣтить обстоятельно. Нѣтъ, они и тогда точно такъ же кричали о правахъ, которыхъ не имѣлъ русскій народъ, кричали и жалобились, что они забиты и мученики, и что когда имъ дадутъ больше правъ, “тогда и спрашивайте съ насъ исполненія обязанностей къ государству и коренному населенію”. Но вотъ пришелъ Освободитель и освободилъ коренной народъ, и что же, кто первый бросился на него, какъ на жертву, кто воспользовался его пороками преимущественно, кто оплелъ его вѣковѣчнымъ золотымъ своимъ промысломъ, кто тотчасъ же замѣстилъ, гдѣ только могъ и поспѣлъ, упраздненныхъ помѣщиковъ, съ той разницей, что помѣщики, хотъ и сильно эксплуатировали людей, но все же старались не разорять своихъ крестьянъ, пожалуй, для себя же, чтобы не истощать рабочей силы, а еврею до истощенія русской силы дѣла нѣтъ, взялъ свое и ушелъ. Я знаю, что евреи, прочтя это, тотчасъ же закричатъ, что это не правда, что это клевета, что я лгу, что я потому вѣрю всѣмъ этимъ глупостямъ, что “не знаю сорокалѣтней исторіи” этихъ чистыхъ ангеловъ, которые “несравненно чище не только другихъ народностей, но и обшествоваемаго русскаго народа” (по словамъ корреспондента, см. выше). Но пусть, пусть они нравственно чище всѣхъ народовъ въ мірѣ, а русскаго ужъ разумѣется, а между тѣмъ я только что прочелъ въ мартовской книжкѣ “Вѣстника Европы” извѣстіе о томъ, что евреи въ Америкѣ, въ Южныхъ Штатахъ, уже набросились всей массой на многомилліонную массу освобожденныхъ негровъ и уже прибрали ее къ рукамъ по-своему, извѣстнымъ и вѣковѣчнымъ своимъ “золотымъ промысломъ” и пользуясь неопытностью и пороками эксплуатируемаго племени. Представьте же себѣ, когда я прочелъ это, мнѣ тотчасъ же вспомнилось, что мнѣ еще пять лѣтъ тому

приходило это самое на умъ именно то, что вотъ вѣдь негры отъ рабовладѣльцевъ теперь освобождены, а вѣдь имъ не уцѣлѣть, потому что на эту свѣжую жертвочку какъ разъ набросятся евреи, которыхъ столь много на свѣтѣ. Подумаль я это и, увѣряю васъ, нѣсколько разъ потомъ въ этотъ срокъ мнѣ впадало на мысль: “да что же тамъ ничего объ евреяхъ не слышно, что въ газетахъ не пишутъ, вѣдь эти негры евреямъ кладъ, неужели пропускать?” И вотъ дождался, написали въ газетахъ, прочелъ. А дней десять тому назадъ прочемъ въ “Новомъ Времени” (№ 371) корреспонденцію изъ Ковно, прехарактернѣйшую: “дескать, до того набросились тамъ евреи на мѣстное литовское населеніе, что чуть не сгубили всѣхъ водкой, и только ксендзы спасли бѣдныхъ опившихся, угрожая имъ муками ада и устраивая между ними общества трезвости”. Просвѣщенный корреспондентъ, правда, сильно краснѣетъ за свое населеніе, до сихъ поръ вѣрующее въ ксендзовъ и въ муки ада, но онъ сообщаетъ при этомъ, что поднялись вслѣдъ за ксендзами и просвѣщенные мѣстные экономисты, начали устраивать сельскіе банки, именно чтобы спасти народъ отъ процентщика-еврея, и сельскіе рынки, чтобы можно было “бѣдной трудящейся массѣ” получать предметы первой потребности по настоящей цѣнѣ, а не по той, которую назначаетъ еврей. Ну, вотъ я все это прочелъ и знаю, что мнѣ въ одинъ мигъ закричать, что все это ничего не доказываетъ, что это отъ того, что сами евреи угнетены, сами бѣдны, и что все это лишь “борьба за существованіе”, что только глупецъ разобрать этого не можетъ, и не будь евреи такъ сами бѣдны, а, напротивъ, разбогатѣй они, то мигомъ показали бы себя съ самой гуманной стороны, такъ что весь міръ бы весь удивили. Но вѣдь, конечно, всѣ эти негры и литовцы еще бѣднѣе евреевъ, выживающихъ изъ нихъ соки, а вѣдь (прочтите-ка корреспонденцію) гнушаются такой торговли, на которую такъ падаютъ евреи; во-вторыхъ, не трудно быть гуманнымъ и нравственнымъ, когда самому жирно и весело, а чуть “борьба за существованіе”, такъ и не подходитъ ко мнѣ близко.. Не совсѣмъ ужъ это, по-моему, такая ангельская черта. А, въ третьихъ, вѣдь и я, конечно, не выставляю эти извѣстія изъ “Вѣстника Европы” и “Новаго Времени” за такіе ужъ капитальные и всерѣшающіе факты. Если начать писать исторію этого *всемірнаго племени*, то можно найти тотчасъ же сто тысячъ такихъ же и еще крупнѣйшихъ фактовъ; такъ что одинъ или два факта лишнихъ ничего особеннаго не прибавятъ, но вѣдь что при этомъ любопытно: любопытно то, что чуть лишь вамъ — въ спорѣ ли, или просто въ минуту собственнаго раздумья, — чуть лишь вамъ понадобится справка о евреѣ и дѣлахъ его, — то не ходите въ би-

бліотеки для чтенія, не ройтесь въ старыхъ книгахъ, или въ собственныхъ старыхъ отмѣткахъ, не трудитесь, не ищите, не напрягайтесь, а не сходя съ мѣста, не подымаясь даже со стула, протяните лишь руку къ какой хотите первой лежащей подлѣ васъ газетѣ и поищите на второй или на третьей страницѣ: непременно найдете что-нибудь о евреяхъ и непременно то, что васъ интересуетъ, непременно самое характернѣйшее и непременно одно и то же — т. е. все одни и тѣ же подвиги. Такъ вѣдь это, согласитесь сами, что-нибудь да значить, что-нибудь да указываетъ, что-нибудь да открываетъ же вамъ, хотя бы вы были круглый невѣжда въ сорокавѣковой исторіи этого племени. Разумѣется, мнѣ отвѣтить, что всѣ обуреваемы ненавистью, а потому всѣ лгутъ. Конечно, очень можетъ случиться, что всѣ до одинаго лгутъ, но въ такомъ случаѣ рождается тотчасъ другой вопросъ: если всѣ до одинаго лгутъ и обуреваемы такою ненавистью, то съ чего-нибудь да взялась же эта ненависть, вѣдь что-нибудь значить же эта всеобщая ненависть, вѣдь что-нибудь значить же слово в с ѣ , какъ восклицалъ нѣкогда Бѣлинскій.

“Свободный выборъ мѣстожителства”! Но развѣ русскій “коренной” человѣкъ ужъ такъ совершенно свободенъ въ выборѣ мѣстожителства? Развѣ не продолжаются и до сихъ поръ еще пренія, еще отъ крѣпостныхъ временъ оставшіяся и нежелаемыя стѣсненія въ полной свободѣ выбора мѣстожителства и для русскаго простолюдина, на котораго давно обращаетъ вниманіе правительство? А что до евреевъ, то всѣмъ видно, что права ихъ въ выборѣ мѣстожителства весьма и весьма расширились въ послѣднія двадцать лѣтъ. По крайней мѣрѣ, они явились въ Россіи въ такихъ мѣстахъ, гдѣ прежде ихъ не видывали. Но евреи все жалуются на ненависть и стѣсненія. Пусть я не твердѣ въ познаніи еврейскаго быта, но одно-то я уже знаю навѣрно и буду спорить со всѣми, именно: что *нынѣ въ нашемъ простонародьи предвзятой, апріорной, тупой, религіозной какой-нибудь ненависти къ еврею, въ родѣ: “Иуда, дескать, Христа продалъ”*. Если и услышишь это отъ ребятишекъ или отъ пьяныхъ, то весь народъ нашъ смотритъ на еврея, повторяю это, безъ всякой предвзятой ненависти. Я пятьдесятъ лѣтъ видѣлъ это. Мнѣ даже случалось жить съ народомъ, въ массѣ народа, въ однихъ казармахъ, спать на однихъ нарахъ. Тамъ было нѣсколько евреевъ — и никто не презиралъ ихъ, никто не исключалъ ихъ, не гналъ ихъ. Когда они молились (а евреи молятся съ крикомъ, надѣвая особое платье), то никто не находилъ этого страннымъ, не мѣшалъ имъ и не смѣялся надъ ними, чего, впрочемъ, именно надо было бы ждать отъ такого грубаго, по нашимъ понятіямъ, народа, какъ русскій; напротивъ, смотря на нихъ, говорили: “это у нихъ

такая вѣра, это они такъ молятся”, и проходили мимо съ спокойствіемъ и почти съ одобреніемъ. И что же, вотъ эти-то еврей чуждались во многомъ русскимъ, не хотѣли ѣсть съ ними (смотрѣли чуть не свысока (и это гдѣ же? — въ острогѣ!) и вообще выражали гадливость и брезгливость къ русскому, къ “коренному” народу. То же самое и въ солдатскихъ казармахъ, и вездѣ, по всей Россіи: навѣдайтесь, спросите, обижаютъ ли въ казармахъ еврея, какъ еврея, какъ жида, за вѣру, за обычай? Нигдѣ не обижаютъ, и такъ во всемъ народѣ. Напротивъ, увѣряю васъ, что и въ казармахъ, и вездѣ, русскій простолюдинъ слишкомъ видитъ и понимаетъ (да и не скрываютъ того сами евреи), что еврей съ нимъ ѣсть не захочетъ, брезгаетъ имъ, сторонится и ограждается отъ него сколько можетъ, и что же, — вмѣсто того, чтобы обижаться на это, русскій простолюдинъ спокойно и ясно говоритъ: “это у него вѣра такая, это онъ по вѣрѣ своей не ѣсть и сторонится” (т. е. не потому, что золь) и, сознавъ эту высшую истину, отъ души извиняетъ еврея. А между тѣмъ, мнѣ иногда входила въ голову фантазія: ну, что, если бы это не евреевъ было въ Россіи три милліона, а русскихъ, а евреевъ было бы 80 милліоновъ, — ну, во что обратились бы у нихъ русскіе и какъ бы они ихъ третировали? Дали бы они имъ сравняться съ собою въ правахъ? Дали бы имъ молиться среди нихъ свободно? Не-обратили бы ихъ прямо въ рабовъ? Хуже того: не содрали ли бы кожу советымъ? Не избили бы до тла, до окончательнаго истребленія, какъ дѣлывали они съ чужими народностями въ старину, въ древнюю свою исторію? Нѣтъ-съ, увѣряю васъ, что въ русскомъ народѣ нѣтъ предвзятой ненависти къ еврею, а есть, можетъ быть, несимпатія къ нему, особенно по мѣстамъ, и даже, можетъ быть, очень сильная. О, безъ этого нельзя, это есть, но происходитъ это вовсе не отъ того, что онъ еврей, не изъ племенной, не изъ религіозной какой-нибудь ненависти, а происходитъ это отъ иныхъ причинъ, въ которыхъ виноватъ уже не коренной народъ, а самъ еврей.

■

STATUS IN STATU

СОРОКЪ ВѢКОВЪ БЫТІЯ.

Ненависть, да еще отъ предразсудковъ, — вотъ въ чемъ обвиняютъ еврей коренное населеніе. Но если ужъ зашла рѣчь о предразсудкахъ, то какъ вы думаете: еврей менѣе питаетъ предразсудковъ къ русскому, чѣмъ русскій къ еврею? Не побольше ли? Вотъ я вамъ представилъ примѣры того, какъ относится русское простолюдьё къ еврею; а у меня передъ глазами письма евреевъ, да не изъ простолюдьё, а образованныхъ евреевъ, и — сколько ненависти въ этихъ письмахъ къ “коренному населенію”! А главное — лишутъ, да и не примѣчаютъ этого сами.

Видите ли, чтобъ существовать сорокъ вѣковъ на землѣ, т. е. во весь почти историческій періодъ человѣчества, да еще въ такомъ плотномъ и нерушимомъ единеніи; чтобъ терять столько разъ свою территорію, свою политическую независимость, законы, почти даже вѣру, — терять и всякій разъ опять соединяться, опять возрождаться въ п р е ж н е й и д е ѣ, хоть и въ другомъ видѣ, опять создавать себѣ и законы, и почти вѣру — нѣтъ, такой живучій народъ, такой необыкновенно сильный и энергическій народъ, такой безпримѣрный въ мірѣ народъ, не могъ существовать безъ статусъ инъ статусу, который онъ сохранялъ всегда и вездѣ во время самыхъ страшныхъ, тысячелѣтнихъ разсѣяній и гоненій своихъ. Говоря про статусъ инъ статусу, я вовсе не обвиненіе какое-нибудь хочу возвести. Но въ чемъ, однако, заключается этотъ статусъ инъ статусу, въ чемъ вѣковѣчно-неизмѣнная идея его, и въ чемъ суть этой идеи?

Изагать это было бы долго, да и невозможно въ коротенькой статьѣ, да и невозможно еще и по той даже причинѣ, что *не настали еще всѣ времена и сроки*, несмотря на протекшіе сорокъ вѣковъ, и окончательно слово *человѣчества* объ этомъ великомъ племени *еще впереди*. Но не вникая въ суть и глубину предмета, можно

изобразить хотя нѣкоторые признаки этого статусъ инъ статусу, по крайней мѣрѣ, хоть наружно. Признаки эти: отчужденность и отчужденность на степени религіознаго догмата, несліянность, вѣра въ то, что существуетъ въ мірѣ лишь одна народная личность — еврей, а другія хоть есть, но все равно, надо считать, что какъ бы ихъ и не существовало. *“Выйди изъ народовъ и составъ свою особь, и знай, что съ сихъ поръ ты единъ у Бога, остальныхъ истреби или въ рабовъ обрати, или эксплуатируй. Вѣрь въ побѣду надъ всѣмъ міромъ, вѣрь, что все покорится тебѣ. Строго всѣмъ инушайся, и ни съ кѣмъ въ быту своемъ не общайся. И даже когда лишимся земли своей, политической личности своей, даже когда разсыпѣнъ будешь по лицу всей земли, между всѣми народами, — все равно — вѣрь всему тому, что тебѣ обещано, разъ навсегда, вѣрь тому, что все сбудется, а пока живи, инушайся, единись и эксплуатируй, и — ожидай, ожидай...*

Вотъ суть идеи статусъ инъ статусу, а затѣмъ, конечно, есть *внутренніе, а, можетъ быть, и таинственные законы, ограждающіе эту идею.*

Вы говорите, господа образованные евреи и оппоненты, что ужъ это-то все вздоръ, и что “если и есть статусъ инъ статусу (т. е. былъ, а теперь-де остались самые слабые слѣды), то единственно лишь гоненія привели къ нему, гоненія породили его, религіозныя, съ среднихъ вѣковъ и раньше, и явился этотъ статусъ инъ статусу единственно лишь изъ чувства самосохраненія. Если же и продолжается, особенно въ Россіи, то потому, что еврей еще не сравненъ въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ”. Но вотъ что мнѣ кажется: если бы онъ былъ и сравненъ въ правахъ, то ни за что не отказался бы отъ своего статусъ инъ статусу. Мало того: приписывать статусъ инъ статусу однимъ лишь гоненіямъ и чувству самосохраненія — недостаточно. Да и не хватило бы упорства въ самосохраненіи на сорокъ вѣковъ, надоѣло бы и сохранять себя такой срокъ. И сильнѣйшія цивилизации въ мірѣ не достигали и половины сорока вѣковъ и теряли политическую силу и племенной обликъ. Тутъ не одно самосохраненіе стоитъ главной причиной, а нѣкая идея, движущая и влекущая, нѣчто такое, міровое и глубокое, о чемъ, можетъ быть человечество еще не въ силахъ произнести своего послѣдняго слова, какъ сказалъ я выше. Что религіозный-то характеръ тутъ есть по преимуществу — это-то уже несомнѣнно. Что свой Промыслитель, подъ именемъ прежняго первоначальнаго Іеговы, съ своимъ идеаломъ и съ своимъ обѣтомъ продолжаетъ вести свой народъ къ цѣли твердой — это-то ужъ ясно. Да и нельзя, повторяю я, даже и представить себѣ еврея безъ Бога, мало того, не вѣрю я даже и въ образован-

ныхъ евреевъ-безбожниковъ: всѣ они одной сути, и еще *Богъ знаетъ, чего ждетъ міръ отъ евреевъ образованныхъ*. Еще въ дѣтствѣ я читалъ и слышалъ про евреевъ легенду о томъ, что они-де и теперь неуклонно ждутъ Мессію, всѣ, какъ самый низшій жидъ, такъ и самый высшій и ученый изъ нихъ, философъ и каббалистъ-раввинъ, что *они вѣрятъ всѣ, что Мессія соберетъ ихъ опять въ Іерусалимъ и низложитъ всѣ народы мечемъ своимъ къ ихъ подножію*; что потому-то-де евреи, по крайней мѣрѣ, въ огромномъ ихъ большинствѣ, предпочитаютъ лишь одну профессію — торгъ золотомъ, и много что обработку его, и это все будто бы для того, что, когда явится Мессія, то чтобы не имѣть новаго отечества, не быть прикрѣпленнымъ къ землѣ иноземцевъ, обладая ею, а имѣть все съ собою лишь въ золотѣ и драгоценностяхъ, чтобы удобнѣе ихъ унести, когда

“Загорить, заблестить лучъ денницы,

“И кимваль, и тимпанъ, и цѣвницы,

“И серебро, и добро, и святыню,

“Понесемъ въ старый Домъ, въ Палестину”.

Все это, повторяю, слышалъ, какъ легенду, но я *вѣрю, что суть дѣла существуетъ непременно, особенно, въ цѣлой массѣ евреевъ*, въ видѣ инстинктивно-неудержимаго влеченія. Но чтобы сохранялась такая суть дѣла, ужъ, конечно, необходимо, чтобы сохранился самый строгій статусъ инъ статусу. Онъ и сохраняется. Стало быть, не одно лишь гоненіе было и есть ему причиной, а другая *идея*.

“Если же существуетъ въправду такой особый, внутренній, строгій строй у евреевъ, связующій ихъ въ нѣчто цѣльное и особенное, то вѣдь почти еще можно задуматься надъ вопросами о совершенномъ сравненіи во всемъ ихъ правъ съ правами коренного населенія. Само собой, все, что требуетъ гуманность и справедливость, *все, что требуетъ чело́вѣчность и христіанскій законъ* — *все это должно быть сдѣлано для евреевъ*. Но если они, во всеоружіи своего строя и своей особенности, своего племенного и религіознаго объединенія, во всеоружіи своихъ правилъ и принциповъ, совершенно противоположныхъ той идеѣ, слѣдующей, доселѣ, по крайней мѣрѣ, развивался весь европейскій міръ, потребуютъ совершеннаго уравненія всевозможныхъ правъ съ кореннымъ населеніемъ, то — не получать ли они уже тогда нѣчто большее, нѣчто лишнее, нѣчто верховное противъ самаго коренного населенія? Тутъ, конечно, указать на другихъ инородцевъ: “что, вотъ, дескать, сравнены или почти сравнены въ правахъ, а евреи имѣютъ правъ меньше всѣхъ инородцевъ, и это-де потому, что боятся насъ, евреевъ, что мы-де будто бы вреднѣе всѣхъ инородцевъ. А между тѣмъ, чѣмъ вреденъ ев-

рей? Если и есть дурные качества въ еврейскомъ народѣ, то единственно потому, что самъ русскій народъ таковымъ способствуетъ, по русскому собственному невѣжеству своему, по необразованности своей, и неспособности своей къ самостоятельности, по малому экономическому развитію своему. Русскій-де народъ самъ требуетъ посредника, руководителя, экономического опекуна въ дѣлахъ, кредитора, самъ зоветъ его, самъ отдается ему. Посмотрите, напротивъ, въ Европѣ: тамъ народы сильные и самостоятельные духомъ, съ сильнымъ національнымъ развитіемъ, съ привычкой давнишней къ труду и съ умѣніемъ труда, и вотъ тамъ не боятся дать всѣ права еврею! Слышно ли что-нибудь во Франціи о вредѣ отъ статусъ инъ-стату тамошнихъ евреевъ?"

Разсужденіе, повидимому, сильное, но, однако же, прежде всего тутъ мерещится одна замѣтка въ скобкахъ, а именно: "Стало быть, еврейству тамъ и хорошо, гдѣ народъ еще невѣжественъ или не-свободенъ, или мало развитъ экономически, — тутъ-то, стало быть, ему и лафа!" И вмѣсто того, чтобъ, напротивъ, вліяніемъ своимъ поднять уровень образованія, усилить знаніе, породить экономическую способность въ коренномъ населеніи, вмѣсто того еврей, гдѣ ни поселялся, тамъ еще пуще унижалъ и развращалъ народъ, тамъ еще больше приникало челоѣчество, еще больше падалъ уровень образованія, еще отвратительнѣе распространялась безвыходная безчелоѣчная бѣдность, а съ нею и отчаяніе. Въ окраинахъ нашихъ спросите коренное населеніе, что двигаетъ евреевъ и что двигало ихъ столько вѣковъ. Получите единогласный отвѣтъ: *безжалостность*". Двигали имъ столько вѣковъ одна лишь къ намъ безжалостность и одна только жажда напиться нашимъ потомъ и кровью". И дѣйствительно, вся дѣятельность евреевъ въ этихъ нашихъ окраинахъ заключалась лишь въ постановкѣ коренного населенія сколько возможно въ безвыходную отъ себя зависимость, пользуясь мѣстными законами. О, тутъ они всегда находили возможность пользоваться правами и законами. Они всегда умѣли водить дружбу съ тѣми, отъ которыхъ зависѣлъ народъ, и ужъ не имъ бы роптать, хоть тутъ-то на малыя свои права сравнительно съ кореннымъ населеніемъ. Довольно они ихъ получали у насъ, этихъ правъ, надъ кореннымъ населеніемъ. Что становилось, въ десятилѣтія и столѣтія, съ русскимъ народомъ тамъ, гдѣ поселялся еврей, — о томъ свидѣтельствуетъ исторія нашихъ русскихъ окраинъ. И что же? Укажите на какое-нибудь другое племя изъ русскихъ инородцевъ, которое бы, по ужасному вліянію своему могло бы равняться въ этомъ смыслѣ съ евреемъ. Не найдете такого; въ этомъ смыслѣ евреи сохраняютъ всю свою оригинальность передъ другими русскими инородца-